

— Ты ведь уже понял, да? — Линь Цзунцзе заговорил первым, не дав Хань Линю вставить и слова. — Понял, что ты мне нравишься?

Хань Линь ошеломлённо замер. Он порывался что-то сказать, но слова застревали в горле. Линь Цзунцзе, заметив его крайнее замешательство, упрямо повторил:

— Ты мне нравишься.

За всю свою жизнь Хань Линь повидал немало признаний. Но чтобы кто-то заявлял об этом настолько бесстыдно, в лоб, да ещё с таким вызывающе-уверенным видом — с подобным он сталкивался впервые. Обычно всё шло по классическому сценарию: любовные письма, нерешительные сообщения или просьбы через общих друзей. У Хань Линя уже выработался стойкий иммунитет на такие случаи, и отказывать он умел мастерски. Но сейчас, стоило Линь Цзунцзе произнести эти слова, как его собственное сердце предательски заколотилось, а по телу пробежала дрожь тревоги. Этот безумец... он просто взял и выпалил это? Без тени страха или сомнения?

— Найдётся время для свиданий? — продолжал наступать Линь Цзунцзе. — С меня всё причитается.

Хань Линь продолжал стоять как вкопанный, не в силах скрыть крайнее изумление. Линь Цзунцзе бесцеремонно ухватил его за плечо и усадил обратно на стул. Видя, что парень окончательно лишился дара речи, он слегка встряхнул его за рукав:

— Хань Линь, ну скажи хоть что-нибудь.

— Нет, — отрезал тот коротко и решительно.

Линь Цзунцзе опешил:

— И это всё? Ты даже не подумаешь? Погоди, а почему?

— Я не по парням.

— Да я тоже вообще-то! — в тон ему воскликнул Линь Цзунцзе. — Но ты мне нравишься.

— Если ты это ради того, чтобы списывать...

— Не нужно мне твоё списывание!

— Если не хочешь сдавать домашку...

— Да я буду сдавать её хоть каждый час, круглые сутки, лишь бы её принимал ты!

Хань Линь онемел. Опасливо глядя на наседающего парня, он отчаянно пытался высвободить рукав из его мёртвой хватки. Линь Цзунцзе сейчас казался ему каким-то стихийным бедствием: сделай шаг навстречу — и этот безумец сожрёт тебя с потрохами, даже костей не оставит.

— Нет, нет, исключено, — наконец обрёл он голос и занервничал ещё сильнее, пытаясь вырваться. — Мне... мне пора домой.

— Я провожу.

— Не надо!

Он рванулся изо всех сил. Рукав-то он освободил, но от резкого толчка потерял равновесие. Хань Линь попятился, зацепил чужие парты и с грохотом повалился на пол в проходе между рядами.

Паника сделала своё дело.

— Твою же мать!

Линь Цзунцзе похолодел. Хань Линь и так был хрупким, а уж теперь, когда он упал, у Цзунцзе душа ушла в пятки. Он мгновенно бросился к нему.

— Ты цел? А? Не ушибся? Где болит? Голова? Спина? Задница? — Видя, что Хань Линь зажмурился и схватился за затылок, Линь Цзунцзе, не помня себя от испуга, принялся ощупывать его. — Сильно ударился? Ногу не подвернул?

Хань Линь яростно оттолкнул его, вскочил на ноги, схватил рюкзак и пулей вылетел из класса.

— Хань Линь! — крикнул ему вслед Линь Цзунцзе.

Он порывался бежать следом, но вовремя спохватился: быстро вернулся, сгреб свой рюкзак, попутно поднял поваленные стулья и бросился вдогонку.

Хань Линь бежал, не разбирая дороги. В его голове не осталось места ни для приличий, ни для здравого смысла. Всё его существо заполнила одна-единственная мысль.

«Линь Цзунцзе свихнулся. Он точно сошёл с ума».

А следом эхом отдавались безумные слова: «Да я тоже вообще-то не по парням! Но ты мне

нравишься».

«Какого чёрта? С чего вдруг я ему нравлюсь? Почему он заявляет об этом так просто, будто пришёл грабить банк?»

Хань Линь бежал быстро, но его измученное болезнью сердце вскоре взбунтовалось. Силы иссякли. Он резко остановился, упёрся руками в колени и шумно, с хрипом задышал. Сердце не болело, но колотилось так бешено, словно вознамерилось выскочить через горло.

— Хань Линь! Хань Линь, стой! Не беги, я ещё не договорил!

Не успел он перевести дух, как сзади снова слышался этот невыносимый голос. Обернувшись, он увидел Линь Цзунцзе. Тот под светом уличных фонарей легко и стремительно, безупречным шагом профессионального бегуна, нагонял его.

— Вот же привязался, — пробормотал Хань Линь. Он глубоко вздохнул и, собрав остатки сил, снова бросился бежать, отчаянно надеясь оторваться.

Сначала расстояние между ними было приличным, да и фору Хань Линь получил солидную. Двигаясь они с одинаковой скоростью, Линь Цзунцзе ни за что бы его не догнал. Но загвоздка заключалась в том, что Линь был легкоатлетом, бегуном на длинные дистанции, и двигался с ускорением. А вот несчастный Хань, обременённый пороком сердца, стремительно терял силы, замедляясь с каждым шагом. Простая физика.

Какая тут, к чёрту, физика...

Когда Хань Линь краем глаза заметил поравнявшуюся с ним долговязую фигуру Линь Цзунцзе, его охватило полное отчаяние.

Тот бежал рядом абсолютно расслабленно и недоумевал:

— Ты чего разбежался-то? Прямо до дома на своих двоих рвануть решил? Давай такси поймал, я заплачу. Тебе же нельзя бегать, забыл? Хань Линь! Эй, Хань Линь! Предупреждаю: если не остановишься, я тебя силой на руки возьму! Слышишь? Не уйдёшь ты от меня. Братец, я на длинные дистанции бегаю, до твоего дома могу долететь на одном дыхании и даже не вспотеть, веришь? Ладно, ладно, беги, если так хочется. Всё равно хоть на край света убеги — я тебя везде догоню.

Заметив, что от его приближения Хань Линь только прибавляет ходу, Линь Цзунцзе заботливо отстал на метр:

— Хорошо, я буду держаться чуть поодаль. На самом деле я давно хотел тебе во всём признаться, просто ты меня опередил.

Хань Линь мысленно выругался.

«Опередил?! Да ты разве что на лбу у себя не написал огромными буквами: "Я ТАЩУСЬ ОТ ХАНЬ ЛИНЯ!"».

И теперь он ещё делает его виноватым в том, что признание вышло скомканным.

«Ну и наглец».

— Да ты не переживай так, — продолжал Линь Цзунцзе. — Я ведь всё разузнал. Мне Сун Чэн рассказывал, что в Первой средней школе тебе девчонки пачками в любви признавались. И ты всегда просто мотал им нервы своей холодностью — ни да, ни нет, делал вид, что ничего не замечаешь, затыкал уши и утыкался в свои тетрадки. Хань Линь, это же безответственно! Мы же взрослые люди. Нравится кто-то — возьми да скажи. Жизнь слишком коротка, моргнуть не успеешь, а человека уже нет рядом. Я не хочу потом локти кусать. Да, я раньше встречался с девчонками, скрывать не буду. Но клянусь, тебя я люблю сильнее всех. Мне уже три ночи подряд снится, как мы... Короче, как только о тебе подумаю, аж дух захватывает.

От таких откровений Хань Линь споткнулся и едва не полетел носом в асфальт. Линь Цзунцзе среагировал мгновенно — крепко ухватил его за предплечье.

Хань Линь обернулся. Парень, который был выше его на полголовы, улыбался в мягком, тёплом свете уличных фонарей.

— Хань Линь, — тихо позвал он. — Раз уж такое дело... может, попробуем?

Хань Линь тяжело хрипел, но в тот миг, когда их взгляды встретились, у него перехватило дыхание. Он не знал, что ответить. Мысли путались, в голове был полный суммур.

— Нет, — выдавил он наконец.

Линь Цзунцзе на секунду растерялся, но тут же снова широко улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами:

— Да ладно, пустяки. Я же не из тех, кто бросает слова на ветер. Не нравишься ты мне сейчас — значит, я сделаю так, чтобы понравился. Можно мне за тобой ухаживать?

Он слегка наклонился, заглядывая Хань Линю в глаза:

— Бегаю я быстро, так что точно догоню.

«Я бегаю быстро, ты — медленно. Самой судьбой предрешиено, что рано или поздно я тебя настигну».

Обычно нетерпеливый и резкий Линь Цзунцзе сейчас проявлял чудеса деликатности. Отказ его ничуть не задел и не разозлил. В его взгляде сквозила такая нежная забота, в которой можно было захлебнуться.

Хань Линь шумно сглотнул. Этот парень подавлял своей энергетикой. Даже когда он просто улыбался и стоял рядом, слегка склонив голову, Хань Линь чувствовал, как тот мягко, но неотвратимо, ломая все преграды, проникает в его жизнь.

Возражения не принимались. Засунув руки в карманы, Линь Цзунцзе упрямо довёл Хань Линя до самого дома. И на этот раз он не остался ждать внизу, а зашагал следом по лестнице. Хань Линь не стал его прогонять. Он молча дошёл до своей двери и остановился.

— Я пришёл. Иди домой, — поворачиваясь к нему, тихо сказал он.

Он и подумать не мог, что произойдёт в следующую секунду. Стоило ему развернуться, как его грубо, но аккуратно толкнули в плечи. Теряя равновесие, Хань Линь попятился. Перед глазами промелькнула стремительная тень.

Справа от двери находилась кнопка звонка. Когда Хань Линь спиной полетел к стене, Линь Цзунцзе резко выставил руку, упираясь ладонью в кирпичную кладку рядом с его лицом, а вторую подставил сзади, мягко уберегая затылок парня от жесткого удара о звонок. И всё же локтем Хань Линь задел кнопку — в глубине квартиры раздалась трель.

В то же мгновение Линь Цзунцзе поцеловал его.

Они замерли лицом к лицу. Линь Цзунцзе навис над ним, обжигая горячим дыханием.

Когда он требовательно проник языком между его губ, сминая всякое сопротивление, мысли Хань Линя окончательно разлетелись в прах. Он стоял неподвижно, застигнутый врасплох этой неистовой лаской, не в силах ни ответить, ни оттолкнуть его.

Время для него остановилось.